

ВАСИЛЬ БЫКОВ – ГОРЬКАЯ СОВЕСТЬ БЕЛАРУСИ

Юрганов Олег

За двадцать с лишним лет жизни в Беларуси я так и не усвоил язык народа, среди которого жил. Все, с кем я общался языком, так или иначе, владели, правда, не с «утра до вечера», скорее в силу некоего обязательства, когда возникала «ситуация». Да и то, переходя на белорусский, собеседник сразу в разговор «включал» подчеркнутую шаржированность в мимике, как бы предупреждая, мол, извините за вынужденную вульгарность речи.

Частенько в бытовом русском слышались вставки белоруссизмов, что-то вроде – «трапка» или «сябры». Выглядело это шутливо и, что называется, «к месту».

В семидесятые, восьмидесятые годы, среди интеллигенции, а мне приходилось общаться с преподавателями ВУЗов, театральными деятелями, партийными работниками разных рангов, белорусский язык практически не был слышен. Более

того, когда приходилось попадать в «коридоры власти» – в Дом правительства, в ЦК КПБ или «пониже» – в райкомы КПБ или Исполкомы, к профсоюзным боссам, белорусский язык тоже не обнаруживался.

Не буду кривить душой, значения тому не придавал. Даже не задумывался. Если попадала мне в руки газета «ЗВЯЗДА» – откладывал в сторону и брал русскоязычную «Советскую Белоруссию». Вместо «Червонной змены», читал «Знамя юности», тем более что разницы – никакой! Точно так же поступал и с журналами. Читал русскоязычный «НЕМАН», там же сам и публиковался, а вот «ПОЛЫМЯ» в руки не брал.

Разумеется, причина была все так же: не владел белорусским настолько, чтобы понять, что там было напечатано. Помню, когда была опубликована статья З.Позняка в еженедельнике «ЛіМ» – так называлась сокращенно весьма интересная в восьмидесятых годах газета «Літаратура і Мастацтва» – прочитать ее толком не смог и просил перевести жену, которая изучала белорусский и в школе, и в институте. А ведь статья была о жутких фактах: найденных в 1988 году страшных захоронений расстрелянных в Куропатах жертв НКВД.

Между тем, в республике и раньше, и когда я жил там, десятилетиями шла острейшая борьба среди национальной интеллигенции за сохранение белорусского языка, уважения к нему, как к носителю национальной культуры. Жил я в Минске с 1970 года, приехал туда уже зрелым, тридцатилетним человеком, и мне казалось, если уж доводилось коснуться

этой темы, что белорусский язык вполне самодостаточен: преподавали его в школе, практически вся государственная, чиновничья документация была двуязычной, за исключением, разве что партийных документов внутреннего пользования – протоколов заседаний бюро ЦККПБ, райкомов и пр. Конечно, учить или не учить язык в школе – было делом добровольным и мне даже казалось, что такое «право выбора» в национальной республике – образец «демократии». Мои рассуждения тогда были просты и прагматичны: пусть каждый сам решает, с каким языком в Белоруссии ему удобней жить. И все-таки то было время всеобщего равнодушия к национальному богатству, которое, утрачивая корни в сознании народа, переставало быть его духовной опорой и ценностью. Пользовались белорусским только местные писатели. Первые романы Василя Быкова я прочитал на русском языке. Из любопытства, я взял повесть «Сотников», напечатанный на белорусском, но ту же отложил. Непонятно!

В ту пору я уже был знаком с известным поэтом Геннадием Буравкиным, который только что был назначен Председателем Госкомитета по телерадиовещанию Белоруссии. Я вел на русском языке авторскую программу на телевидении и часто с ним встречался. Наши разговоры происходили в странной, как мне тогда казалось, манере. Он говорил исключительно по-белорусски, я на русском. Не скрою, это меня раздражало! Понятно, хотелось «комфорта» в диалоге. К тому же, я знал, что собеседник прекрасно говорит по-русски. Мне даже в голову не приходило, что, раздражаясь по поводу собственных «неудобств», я позволяю себе весьма неприличные желания: заставить человека, бывшего уже

тогда очень известным белорусским поэтом, отказаться от родного языка. Ну и что, если перед ним сидит русскоязычный житель столицы его страны? Я же – гражданин республики, работающий на национальном телевидении и радио, где белорусский язык, хотя и не на всех программах, но все же оставался приоритетным. Это теперь я так рассуждаю. Тогда поведение Г. Буравкина считал «пижонством».

Фильм «Альпийская баллада» по повести Василя Быкова я посмотрел на русском. Потом по мотивам его повести «Сотников» был снят фильм Ларисой Шепитько, и я имел возможность посмотреть его тоже на русском. Мой друг Михаил Ковальчик, режиссер русского драмтеатра имени А.Горького в Минске, поставил инсценировку по другой повести В.Быкова – «Дожить до рассвета». Там, кстати, я впервые, кажется на премьере, автора и увидел.

В общем, с творчеством белорусского писателя, я знакомился на своем – русском, а не на его родном языке и, как теперь понимаю, пребывал в Белоруссии в роли иностранца, как один из тех 40 народов и наций, на языки которых произведения Василя Быкова были переведены. Но разница с теми миллионами читателей со всех концов Земли все же была! Я жил с автором под одним небом. Не раз его видел. При желании мог бы с ним познакомиться и, как ни странно это звучит, мог бы даже с ним поговорить. Этого не сделал. Наверняка потому, что внутренне не желал того же дискомфорта, который ощутил в общении с Геннадием Буравкиным. Я отлично знал – Василь Быков разговаривает только на своем родном языке. По привычке. Из уважения к

самому себе и родине, которая приняла его на свои раздольные просторы и этими же просторами настолько околдовала, что все ее мелодии и звуки, запечатленные в языке, передались в каждую молекулу его души.

Волею судеб я оказался в США и, будучи здесь понял, что язык – это Родина! С утратой языка теряешь истоки, некогда тебя питавшие. Казалось бы, банальная истина: жить в Америке невозможно без знания английского. А с этой истиной приходит другая, во всяком случае, я сам с ней столкнулся, ощутив настоящий ужас: изучая английский, ты стоишь на краю пропасти – утраты всех достоинств своей родной речи. Горе это неизбывное! В свои уже немалые годы, ты не в силах выразить себя на другом, по сути, чужом тебе языке! Наступает тяжелейший конфликт между двумя языками.

Межъязыковой компромисс – мера вынужденная, особенно, когда в двух языках нет и не может быть, во всяком случае, в моем опыте, право на «паритетное сосуществование». Эта драма внутреннего конфликта языков, поглощает твое «Я». Очень скоро приходится признать, сколь много из этого твоего зрелого «Я», десятилетиями создаваемого усилиями воли и с помощью родного языка, исчезает. Как меняется твой внутренний мир, как приближаешься ты к краю пропасти.

Ты видишь, что твои дети тоже утрачивают твой родной язык. Внуки практически уже не способны объясняться с дедами. Случается, что вокруг тебя наступает вакуум – языковой и культурный. В редких случаях, когда старшее поколение, изучив английский язык в юности или будучи его знатоком

профессионально, окончив в свое время английские спецшколы или институт иностранных языков, могут навести прочные мосты и с новой культурой страны исхода, а заодно и с младшим своим поколением, благополучно превратившимся из русских, украинцев, белорусов, таджиков – да мало ли понаехало в США народов из бывшего СССР – в американцев.

Вот и получается, что двадцать лет я прожил в Беларуси иностранцем и спустя пятнадцать лет после разлуки с ней так им и остался! Только теперь мой нынешний статус иностранца формальные требования закона «страны посещения» определяют однозначно. В США – я тоже иностранец по меркам моей прошлой жизни в Белоруссии. Хотя есть, конечно, некое утешительное обстоятельство: я сохранил суверенность моего родного русского языка, в чем приношу свои извинения английскому – государственному языку страны, гражданином которой являюсь уже десять лет.

Людская ментальность – штука консервативная. Надо мне было иммигрировать в США, чтобы, пройдя через угрозу потери своего родного языка, понять катастрофу языка белорусского. Понять писателей, поэтов, создателей культурных ценностей земли белорусской, столь отчаянно дравшихся все годы Советской власти за бережное отношение к родному языку. Только теперь и понимаешь, сколь неразрывен язык от политики, язык – от национального самоуважения, язык – от самоидентификации нации, а твоя личность, утратившая связи с языком твоей родины, превращается всего лишь в мембрану, отражающую звуковые волны слышимой речи, а не мудрость и красоту мысли.

После распада СССР, становление национального самосознания в республиках проходило, как правило, в контексте статуса языка. Отвоевав свою независимость, народы Прибалтики, сделали политику языка решающим фактором возвращения утраченного за годы Советской власти самосознания нации. Каждая из прибалтийских республик сделала возвращение родного языка в практику своих социумов решительно и тотально. Никаких компромиссов! Русскоязычный шовинизм стоил им очень дорого!

Белорусы хотели идти тем же путем. Те, кто творил национальную культуру страны, стали непримиримыми политиками. Среди них Василь Быков – народный писатель Беларуси, президент Белорусского ПЭН-Центра, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, Государственных премий СССР, БССР, многих престижных литературных премий.

Синтезом его политического самосознания стала борьба за выживание национального языка, а вместе с ним и национальной культуры, искусства, литературы. С возникновением Белорусского Народного Фронта, он стал его активным апологетом, потому, что его взгляды, как писателя, с мировоззрением белорусского националиста, оказались неразрывны с политической платформой этого движения. Он открыто и честно объявил себя националистом в последней книге «Долгая дорога домой», изданной в 2005 году в переводе Валентина Тараса. Между тем, все его творчество и публицистика свидетельствуют о праве на такое политическое

самосознание, питаемое национальными корнями, национальным языком.

Это был давний вызов власти. Вызов решительный и смелый, смертельно опасный для В.Быкова все годы его писательской судьбы. Лишь масштаб таланта, мастерство военного бытописания, глубина собственного переосмысления личности на войне, красота художественного живописания чувств человеческих на фоне живой природы останавливала власть от физического уничтожения писателя. Хотя, что говорить... Жизнь и творчество В.Быкова проходили по лезвию бритвы. Жажда «органов» задушить в своих железных объятиях строптивного писателя с мировым именем иной раз так перехлестывала через край, что он вынужден был пережидать моральный террор власти за шаткими ширмами вынужденных компромиссов. «И благородный человек может стать невольником обстоятельств, но тот, кто становится лакеем обстоятельств – не благородный человек». Эти слова Льва Толстого приводит в своих мемуарах Василь Быков, проживший всю свою жизнь под свинцовой пятой таких обстоятельств, выдавливавших из него самоуважение и благородство. Слава Богу, не удалось!

Читая его мемуары, издание которых автор увидеть не успел, диву даешься той воистину яростной борьбе, которую писатель вел с властью все годы их вынужденного совместного соседства и зависимости. Два обстоятельства решительно ставили В.Быкова «по ту сторону баррикад» – жестокий политический геноцид против крестьянства в эпоху коллективизации и тотальный лингво-геноцид против родного

языка. Более непримиримого, сурового и бескомпромиссного борца с идеологией большевизма среди писателей в Белоруссии, пожалуй, не было.

Остается загадкой, как писатель сумел избежать расправы, не погиб от рук Системы, хотя и ненавидевшей его, но вынужденной воздать ему по заслугам. Все годы, делая подкоп под фундамент его человеческого достоинства, разрушая судьбы друзей и соратников, власть не теряла надежд подкупить писателя посулами, наградами и званиями. По иронии судьбы, уже пав навзничь, Система сумела-таки его «лягнуть»: после того как ее апологет А.Г.Лукашенко пришел к власти в Беларуси В.Быков был изгнан из страны и годы прожил в Германии и Финляндии.

В истории СССР можно буквально по пальцам одной руки пересчитать Личностей, бросивших вызов большевизму, но сохранивших при этом независимость ума и убеждений, силу таланта и чести, оставшихся, при этом, под родным небом. Читая мемуары В.Быкова, с трудом осознаешь, что пришлось писателю пережить все годы жизни в республике, в пределах Империи, власть которой была ему ненавистна. Он сумел не просто выжить, но написать книги, которые не оставляют равнодушными даже его врагов.

Он родился 19 июня 1924 года в деревушке Бычки Ушачского района Витебской области в крестьянской семье. То, что происходило в деревне в начале тридцатых годов на глазах подростка, так врезалось в память, что осталось навсегда.

Память кровоточила все годы, собранные его судьбой в жизненный путь, отмеренный почти восемью десятками лет.

Читая его повесть «Облава» о боли крестьянской гонимой души человеческой осознаешь, – какую ненависть к себялюбивой, жестокой Системе хранил в себе В.Быков, вынужденно «сожительствова» с ней десятилетиями. От клокочущей ярости, готовой обратиться в краткий, огненный сполох прокламации его спасало блистательное мастерство прозаика и безмерное сочувствие к поруганной судьбе крестьянина-собрата.

Повесть убийственна своей правдой. Она разворачивается неспешно, знакомя читателя с мельчайшими подробностями нелепого истязания крестьянина, который всего-навсего хотел жить по-людски, и нарвался на злобную зависть соседа, «сообщившего, куда следует» на «...поднимающего голову кулака». Власть гробит тихого, работающего человека, белорусского селянина, имевшего несчастье быть трудолюбивым, заботливым и умелым хозяином. Он ничего не понимает в политике, под диктат которой его жену и дочь отправляют в Сибирь, где они погибают. Остались воспоминания о родном селе, подворье и сыне. Эти воспоминания невыносимо мучительны и он бежит из ссылки, не в силах дожидаться мига встречи с родной землей через срок изгнания, оторвавший от нее, родимой, на двадцать с лишним лет каторги.

Мытарства Хведора Ровбы венчает жуткий финал – его гибель в болоте, когда гонимый собственным сыном, партийным

функционером, отец лишь на миг видит его лицо и добровольно отказывается от борьбы – погружаясь в трясину...

История знает немало гениев слова, вынужденных идти на компромиссы с политическими системами, противостоящими их мироощущению и жизненной философии. Она полна трагическими судьбами мастеров слова, художников, являвших собой непримиримую ненависть к Государству, свинцовой пятой втаптывающего их честь и достоинство. Сегодня, перелистывая страницы этих исторических хранилищ гордых судеб, раздавленных Властью, мы не осознаем даже сотой доли страданий Узников Совести.

Что может сравниться по безысходности и драматизму с судьбой писателя, который вынужден был жить в государстве, именуемом «Народным»; сосуществовать с обществом, которое декларировало гуманистические лозунги, облачая их в одежды самых прекрасных, столетиями желанных идеалов, но которые в реальной жизни этого государства и общества никогда таковыми не были и быть не могли!

В юности, столкнувшись с жестокостью и хамством номенклатуры, начальствующей прослойки, до зрелых лет писатель, будучи по натуре своей человеком внутренне сдержанным, сосредоточенным на мире самоощущений и самоанализа, десятилетиями «переваривал» социалистическую реальность, решительно отторгая ее с каждым витком жизни своим разумом. При этом идеалы действительной гуманности, идеалы красоты и человеческого достоинства оказывались в его книгах настолько очевидными,

что власть это злило. Слишком явно эти идеалы, воплощенные в художественные образы, противостояли её декларациям, под которыми пряталось зло и бесчеловечность. Или власть видела свое уродливое лицо в книгах В.Быкова, понимая, что с каждой повестью писателя правда о ней становится опасней.

Василь Быков писал собственную нравственную историю, которая создавалась им самим, его упрямым хронологом – Совестью. Рождалась нравственная история в муках тяжких раздумий и независимо от воли власти, жаждавшей усмирить его, уложить в прокрустово ложе своей идеологии. Писать собственную нравственную историю непросто, а если ты еще и одарен природой талантом художественного слова – тяжкий труд, потому что тебе мешают те, кто желает сделать тебя своим слугой.

В нравственной истории не всегда находилось место даже, казалось бы доброжелательным современникам. Его книги читались. Слушали его слово и голос. Но, кто понимал истинный масштаб его горя? Кто соразмерно сочувствовал стараниям писателя, созерцающего гибель родного языка. Кто готов был вместе с ним ощутить тяжкую длань политического прагматизма власти, которая с высоких трибун, провозглашала борьбу народа за культуру «национальную по форме и социалистическую по содержанию»? Кто осмеливался поддержать писателя, который с гневом говорил о шовинизме русского языка в его стране? Кто понимал скорбь литератора, пристально вглядывавшегося в лица нового поколения соотечественников, видя в их чертах следы холодных манкуртов, не признающих и не знающих духовной истории

своей нации, её культуру и язык. Кто поддержал его суровое предостережение к нации, кажется уже готовой расстаться с наследием отцов, подчинившись власти, политически околдованной страстью сотворить «нового человека и светлое будущее». Таких было не более двух-трех самых-самых близких друзей.

Власть культивировала эти, с позволения казать, «идеи» семь с лишним десятилетий социализма, подминая под себя непокорных духом людей, художников, которые шагали «не в ногу». Мир идей ревностно опекался властью, потому, что в схватке за души людей, сила слова, в конечном счете, оказывалась решающей. Власть жаждала вершить человеческими судьбами, но была бессильна перед магией правды, которая подчинялась лишь воле художников масштаба В.Быкова, верного волонтера Правды – хранителя идей, прораставших от ее мощного корневища.

«...Нужна ли художнику любая другая идея, – пишет В.Быков в мемуарах – если его душа уже захвачена идеей правды и красоты? Иному места нет, ибо он – индивидуалист. Всё значительное в искусстве и в литературе испокон века создается на основе индивидуализма... Творцы – единоличники, они создают штучный товар...». Ну, как такое могла стерпеть власть, проповедовавшей до самого своего краха идеологию коллективизма. Как она могла согласиться с оценками писателя, в которых он бесстрашно обнажает её преступные мотивы. «...Разрушать легче сообща – все сразу... Это обходится властям дешевле. И проще, «сообща», подчинить себе людские души. Отсюда – колхозы, ГУЛАГ,

чтобы всех, без остатка сгрести в одну кучу. И творцов тоже – в... «творческую» неволю, где должный порядок поддерживался руками самих же творцов из числа наиболее расторопных коллаборантов».

Слова эти писались В.Быковым уже на пороге Вечности, когда писатель, будучи тяжело больным, лежал в Пражском онкологическом госпитале. Его горькая Правда, явившаяся в естественном обличье откровенности, десятилетиями была вынуждена рядиться в маскировочные одежды мучительных и вынужденных компромиссов, но она никогда не терялась в душе писателя. Признаки её всегдашнего присутствия хранят страницы его повестей о войне. Власть это видела. Она с мрачным упорством склоняла его к покорности, хотя не единожды убеждалась, что подкупить его невыносимо. Тогда она хватала самое святое, угрожая лишить возможности писать и общаться с читателем.

Книга «Долгая дорога домой» – горькое изложение нравственных хроник писателя. Хроник Совести, находившей приют в доме души писателя, в его творческом внутреннем бытии, корнями вставшей в его творчество. Власть стремилась эти корни вырвать. Распахать. Раскорчевать. Отравить духовную почву писателя идеологическими «ядохимикатами»! И делалось это без малого почти тридцать с лишним лет с момента выхода в свет первой книги В.Быкова. Слава Богу, это ей не удалось...

В литературе и искусстве место пребывания Правды – тюрьма или Голгофа. Она нередко завершает свою жизнь на эшафоте.

Во всяком случае, в прижизненном творчестве Василя Быкова для его Правды иного места и не было. Это сейчас говорится о наградах, Олимпе почета и славы. За словами «...автор, в свое время, перевернул представление о том, как надо писать о войне...» стоял палач, готовый действовать по первому сигналу власти. Еще в недавнем прошлом истории страны, творческая смелость стоила автору крови и нервов, а то и жизни. А ведь в собственной нравственной истории, впитавшей хронику войны, писатель В.Быков не видел иную войну, кроме той, через которую прошел, пережил, от которой пострадал, едва выжив. Войну глазами коммунистической власти он видеть не мог и не хотел! В его повестях о войне, которой пропитано все его творчество, люди оставались такими, какими он их знал. Он сопереживал им, как их соратник, понимал, как очевидец, осмысливал вместе с ними человеческие страсти, которые на войне другие, совсем не похожие на те, которые зреют в мирное время.

Разве мог писатель – свидетель войны изменять голосу совести, крепнувшей в ожесточенных боях. Совести, видевшей реальный страх живого человека перед неминуемой гибелью. Совести, знакомой с примерами сладкого соблазна командной воли ничтожества, готового отправить на смерть солдат, ради собственных амбиций. Разве могла смолчать совесть младшего лейтенанта Василя Быкова о фактах невежества и жестокости иных генеральских чинов, губительного для него и тысяч его товарищей, бросаемых на бессмысленную гибель? Логика такой бессмысленности была внутренней логикой власти, для которой судьбы людей не стоили ни гроша. Власть мыслила не миллионами жизней,

ради блага которых следовало принимать единственно верные решения, а реализовывала свои решения ценой гибели миллионов! Кто-то должен был рассказать об этом правду.

Это теперь, когда доступны всем и каждому книги о войне В.Некрасова, В.Астафьева, В.Гроссмана, Г.Бакланова, В.Быкова можно даже испытать некоторое недоумение по поводу того, а как же иначе можно было писать о войне? Однако на лжи о войне выросли поколения советских людей! Повзрослев, враждебно стали воспринимать реальную войну на страницах повестей того же В.Быкова, как «подкоп» под «героизм отцов». А каково ему было в компании всё понимающих литературных союзников из журнала «Новое время», фактически открывших писателя российскому читателю? Тоже нелегко, впрочем, как и самим «новомировцам». Власть жаждала компромиссов, как дракон живой плоти. Она желала уничтожить правду. Ну хотя бы отсечь самое опасное для себя. Вот и приходилось писателю что-то «причесать», что-то «убирать ради того, чтобы не выкинули из журнала всю повесть».

Читаешь об этом в мемуарах В.Быкова и диву даешься. Каким же воистину крестьянским терпением и снисходительностью мудреца надо было обладать, чтобы, шаг за шагом, отвоевывать у власти, озабоченной своим политическим имиджем, неотъемлемое право писателя вступить с читателем в честный, искренний диалог. Ради него и приходилось художнику идти на горькие компромиссы.

«Повесть Сотников, – пишет в мемуарах В.Быков, – родилась не столько «из головы», сколько из чувств, вызванных не столько войной, сколько современностью. Разумеется, сюжет библейской притчи об Авеле и брате его Каине живет в человечестве давно и повторяется регулярно, во время войны тем более. Но если в мирное время брат убивал брата ради корысти, то в войну – ради элементарной биологической цели – выжить. Это как бы оправдывало или, по крайней мере, помогало что-то понять в ряде тогдашних мотивов убийств. В мирное время уже не убивали ради элементарной потребности выжить, писателям не стреляли в затылок. Зато широко практиковалось убийство их произведений. Рукописи перехватывали по почте, тайно передавали карательным органам, которые выносили свой приговор – и произведениям, и авторам. И делали это не оккупанты, а свои – коллеги, приятели, даже друзья. Партия не хотела делать всю эту неблагодарную работу собственными руками, поэтому широко пользовалась услугами самих писателей. Как тогда говорили – литературных полицаев – и это было точное определение. В определенном смысле «Сотников» стал литературной реакцией на тогдашнюю действительность, хотя события происходят в другой среде и в другое время».

Я еще вернусь к «Сотникову», однако, вслед за признаниями автора мемуаров, замечу, что В.Быков в этой повести через мученический образ Сотникова попытался показать свои нравственные страдания. В повести показана личность, для которой ее физическая гибель сопоставима с утратой порядочности и чести, замешенных на духовных идеалах, бесконечная ценность не имеет ничего общего с утилитарными

законами биологического выживания. Это, читаемое между строк мемуаров признание В.Быкова, было сделано на склоне жизни и, конечно, не столь прямолинейно, как я об этом осмелился сказать. Однако, читая повесть, убеждаешься, что лишь мучительной смертью не сломленного героя, тенью которого является сам В.Быков, он заявляет о своей готовности утверждать, чего бы ему ни стоило, бесценность правды, которая стоит и мук, и жизни, и чести её творца.

Повести «Мертвым не больно» и «Круглянский мост» – стали настоящим испытанием и для автора и для тех, кто осмеливался дать «добро» на публикацию. Первая повесть предстала в первоизданном виде лишь сравнительно недавно. Вторая с появлением ее в журнале «Новый мир», пронеслась в общественном сознании миллионов подобно разрушительному урагану. Во властных кабинетах готовили месть. А вот и список её, власти, жертв: А.Т. Твардовский – отправлен в отставку и вскоре умер после травли; Пилотович – ныне безвестный функционер ЦККПБ, достойный упоминания лишь по причине смелости – он санкционировал к публикации повести в Белоруссии. С той же судьбой – неведомый ныне Леонид Прокша, как пишет В.Быков: «бывший политрук-комиссар», смело напечатавший в еженедельнике ЛіМ свою статью о повести и полностью ее одобривший. Ковалев – утратил кресло редактора «толстого» литературного журнала «Полымя», опубликовавший повесть, и как оказалось очень некстати для своей карьеры.

Сам В.Быков за повести «Мертвым не больно» и «Круглянский мост» был публично оболган на всю страну. Советский

офицер, прошедший военную мясорубку Отечественной был назван «полицаем» и «власовцем». Слава Богу, тогда нашлись защитники. Вот, как он упоминает об этом в мемуарах: «Это была статья в «Известиях» о Быкове – едва ли не первая в центральной печати статья, которая доказывала обществу, что Быков – наш, советский писатель, не какой-то там полицай или власовец. И что его персонажи – никакая не клевета, потому, что на войне были не только герои, но и трусы, предатели, о которых читатель должен знать. Та статья в центральной газете и впрямь где-то что-то сдвинула, последующие события показали ее несомненную пользу».

Мир уже знал Василя Быкова, его книги переводились на европейские языки, но сам автор представлялся «мальчиком для битья» республиканскими и союзными партийными властями. Нас, читателей, зрителей кинематографа годами лишали возможности посмотреть на экранах, театральных сценах, читать книги повестей В.Быкова о войне, о её жертвах и героях, о страстях человеческих, о которых единственно только и можно было говорить языком правды.

Для меня В.Быков – белорусский Хемингуэй. По мощи таланта, по силе и глубине впечатления от созданных им образов, по силе правды и неслыханному упорству, с каким он отстаивал свое право рассказывать о войне на страницах своих книг все, что он о ней знает. Но его американский собрат по перу не испытал и тысячной доли тех мук, которые выпали ему в схватке с властью, презревшей Свободу Слова.

...Фильм Ларисы Шепитько «Восхождение», по повести В.Быкова «Сотников» буквально потряс зрителей неожиданным нравственным откровением, к которому мы, тогдашние «совки» просто не были готовы. Что мы видели? «Два бойца»? «Подвиг разведчика»? «Они сражались за Родину»? «Летят журавли»? Это не было даже начальной школой той правды о Личности на войне, которую рассказал нам В.Быков в «Сотникове».

На экране рассказывалось о человеке, который по силе духа, по величю своей нравственной стойкости и красоте души выглядел настолько убедительным, что возникало абсолютное созвучие в собственном сердце с силой веры этого человека. Казалось бы, перед нами появился долгожданный идеал, взращенный в пекле жестокой схватки Добра со Злом. Текст повести давал благодатную возможность убедить читателя в явлении Личности, которая несла в своей душе непреклонную, но главное, искреннюю и естественную убежденность, сломить которую не в силах была сама Смерть. Лариса Шепитько признавалась В.Быкову, что в своей трактовке героя «стремилась к возвышенной религиозности и даже хотела назвать фильм «Вознесение».

Однако именно это и возмущало тех, от воли которых зависела судьба фильма. Вынужденно смирившись с публикацией повести «Сотников», заставив автора ради этого согласиться признать героя коммунистом, негодующая власть увидела в Ларисе Шепитько опасного союзника В.Быкова. Художественная энергия фильма стала страшить чиновников. Они смертельно испугались силы искренности образа

Сотникова, его вездесущей энергии, несущейся с экрана в зрительские сердца и души. Власть, помня завет вождя: «Из всех искусств, для нас важнейшим является кино» – осмысливая его на агитпроповский лад, очень скоро поняла, что хоть и вырвала у автора согласие назвать Сотникова коммунистом, в фильме этот образ наносит сокрушительный удар по расхожему образу «убежденного ленинца».

«Я вообще избегаю этих образов (коммунистов О.Ю.), потому что у меня нет соответствующего таланта. Очевидно, для создания их необходимы талант, подобный таланту Салтыкова-Щедрина, а у меня, если и есть талант, то другой. Саченко (редактор, готовивший «Сотникова» к публикации. О.Ю.) сказал, что мигом все исправит и, полистав рукопись, нашел подходящее место: «Вот тут напишем, что Сотников – коммунист».

Власть «бдила». Несчастливая Л. Шепитько, измучившись с упорным противостоянием своего киношного начальства, стала уговаривать В.Быкова пойти в ЦК КПСС, к самому Суслову. «Еще шесть лет назад я слышал, что в ЦК принято постановление о моем творчестве, подписанное именно Сусловым. – Пишет В.Быков в своих мемуарах – А теперь мне к нему ехать... Я в самые мрачные для меня времена никого ни о чем не просил».

И все же, спустя время, писатель признается: «Восхождение» – самая лучшая из всех десяти экранизаций моих повестей». А мне подумалось, Господи, сколько же энергии было отобрано властью из кладовых таланта писателя и обращено в прах! А

мы, читатели, лишались новых повестей о неведомой нам войне.

Между тем, отношения В.Быкова с властью и с собственным народом казались мне парадоксальными. Власть одарила писателя практически всеми почестями, которые изобрела за десятки лет своего идеологического абсолютизма. Не каждый, даже весьма маститый писатель, из современников В.Быкова, в том числе и среди его земляков, может перечислить такой же, как у него список званий и наград.

Народ Беларуси, бесспорно, гордился и гордится писателем. Я не поленился и поспрашивал здешних моих друзей, товарищей, а потом уже и совсем незнакомых мне о том, кем для них лично является белорусский писатель Василь Быков? Я убедился, что мои собеседники готовы без околичностей признать, что писатель – их современник и гордость Беларуси!

Но вот, что интересно и парадоксально не в меньшей степени. Простой люд на том свои рассуждения и заканчивал. Некоторые сочувственно добавляли, что «...зря власти погнали на чужбину на старости лет...» Таких, к слову, оказалось немного. Посочувствовали своему знаменитому современнику и на том спасибо!

А вот интеллигенция, из числа оказавшихся среди опрошенных мною музыкантов, поэтов, менеджеров, даже журналистов, непременно добавляла к первой, комплиментарной части, осуждающую ремарку: «Зря только Василий Владимирович в политику полез. Это ж явно не его

ума дело!» Или «Политика, штука грязная... И зачем он... Политики же его из страны-то и «турнули».

Политика, по моему мнению, воистину «пробный камень» совести. Недаром, самые, казалось бы, нравственные личности, попадая в политику, меняют свои убеждения на 180 градусов, а их мораль становится сплошной «теорией вероятности». В этом смысле для меня образцом нравственного поворота в политике на все 360 градусов, хоть и к финалу жизни, является В.И. Ленин. Вовсе не случайно до сих пор хранятся под грифом «секретно» записки врачей, наблюдавших вождя в самый последний и, несомненно, нравственно критический период его угасающей жизни. Есть, что скрывать? Наверняка! Потому, что в редкие минуты просветления разума, вождь мирового пролетариата, осознавая, пусть даже на мгновения, масштаб трагедии, случившейся по его воле в России и валом пронесшейся по миру, испытывал жестокие терзания совести, желая все вернуть на круги своя...

Политика писателя В.Быкова все годы его нравственных хроник была неизменной: смертельная схватка с Системой. Она не проходила бескровно: были выкрадены и бесследно исчезли рукописи собственноручно подготовленного последнего собрания сочинений, вместе с черновиками. Приходилось приносить власти в жертву самого себя. Но, замечу, не свою совесть, не писательскую честь, не Правду, а самого себя. Физическое естество, терзаемое изнутри муками, страстями, осознанием потери времени, принадлежащему творчеству, медленно угасало в тисках несвободы.

«Свобода, – пишет В.Быков в мемуарах, – наибольшая ценность, данная каждому живому существу с момента рождения. Все живое пользуется этой физической свободой, насколько это возможно в сложнейшем, запутанном мире жизнедеятельности организмов. Только человек является исключением. Чтобы в полной мере почувствовать необходимость свободы, ему суждено пройти через хитросплетенный лабиринт жизни, а то и остаться в одном из его тупиков. И там привыкнуть к безвыходности, зачахнуть, утратить врожденный инстинкт свободы, адаптироваться к несвободе ради элементарной цели биологического существования. Стать частицей электората – таким, как все. Но как быть тому, кто выпадает из массы себе подобных, если он – творец, который действует согласно внутренним импульсам самовыражения, как ему преодолеть грубую зависимость от социума, который неизменно нивелирует его дар, данный ему Богом? Или, может, не надо ничего преодолевать, а подладиться, приспособиться, чтобы избежать конфликта с обществом? Десятки лет в наших ушах звучала невольничья максима: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Действительно нельзя: не дадут, не позволят. Те от кого ты зависишь, вдохновляются не обманчивой идеей человеческой свободы, а реальной потребностью своей власти и силы. И сила у них немалая, потому, что они – всегда гурт».

Когда Беларусь обрела независимость, В.Быков не сомневался, что саморазвитие республики получило сильный демократический импульс. Очень скоро ему станет ясно, что иллюзии свободы – страшная и разрушительная сила, которая

даже опасней для душ людей, чем реальная, привычная несвобода, которую писатель хлебнул досыта в прежние годы. «Кажется, наша литература, – пишет он уже на последних страницах мемуаров, – помаленьку выкарабкивается из того интеллектуального ГУЛАГа, из которого еще предстоит выбраться нации».

Можно представить меру моральных страданий В.Быкова, когда он наблюдал крах иллюзий в предвыборной схватке БНФ, его лидера З. Позняка с технократами, сделавшими ставку на А.Г.Лукашенко. Писатель видел, что нация окончательно выбившись из сил, в борьбе за выживание, в условиях полученной свободы и независимости в середине девяностых; нация, которой вместо хлеба был предложен бело-красный флаг и герб «Погоня»; нация, которой счастливые «отцы свободной Беларуси среди которых был и Василь Быков», трубно напомнили, об избавлении (Наконец-то!) родного языка от, многолетних, тяжких чужестранных оков. Эта нация, изрядно оголодав, отвергла З.Позняка, одержимого своей страстной любовью к Беларуси, и выбрала «твердую руку» А.Лукашенко.

После проигранных президентских выборов в 1995 году, Белорусский Народный Фронт оказался внутренне сломленным. Его горячим приверженцем был Василь Быков, открыто назвавший себя в мемуарах националистом. «Что касается Беларуси, – пишет В.Быков, – то у нее есть идея, очень важная и сверхактуальная – идея свободы и независимости». Пока же народ выбрал несвободу и новая-старая, избранная им власть изгнала из страны З.Позняка и

самого автора всемирно признанных военных бестселлеров. В.Быков уехал в изгнание со своей Правдой, которая так и осталась питательным корневищем его совести. «Торжествует, – признает писатель, – неодолимая сила несвободы, с которой нация свыклась, с которой породнилась, отступить от которой рискованно».

Это было трудным и горьким признанием В.Быкова о нации, с которой он был нерасторжим, и хотя я никогда не симпатизировал З.Позняку, уверен, что именно он повинен в том, что массы были напуганы одержимостью вождя БНФ, чем-то напоминавшего фанатиков-большевиков. Однако, его утверждение, что «Еще при жизни Быкова называли совестью белорусской нации, и так его воспринимали» считаю верным. Он был и есть совестью нации. Пусть горькой, но Совестью. Вера В.Быкова в неизбежность осознания его народом ценностей свободы и родного языка была нерушимой до кончины – 22 июня 2003 года. Его народ, ведомый уважением к своему великому земляку, во искупление трагического крушения надежд В.Быкова только сумел соединиться в безбрежный поток пятидесятитысячной рыдающей реки, на волнах которой гроб с его телом был пронесен через весь Минск на Московское кладбище. Я думаю, то был искренний и скорбный голос горькой совести нации, еще не понявшей какого сына она потеряла.

Воистину, неисповедимы пути наций к свободе. Большевики были вознесены несправедливым российским народом, влекомым духом освобождения от рабства, на Олимп власти. Подчинившись коммунистам, народ своими руками уничтожил

тысячелетнюю российскую государственность. Через семьдесят с лишним лет рабства уже в «своем» народном государстве, та же нация разрушила его, влекомая и в этот раз, как в приснопамятном 17-м, идеями свободы и демократии. Беларусь наступала на те же «грабли», что и россияне. Света в тоннеле пока не видно?

Завершая свои хроники Совести, Василь Быков пишет: «Должно быть, свой путь к свободе каждому суждено пройти отдельно». Может быть он и прав, кто знает?

...Время, а главное опыт жизни в нынешнем авторитарном государстве, возможно и выветрит из духовных кладовых белорусской нации, горечь незрелости. Сбудутся мечты В.Быкова, и его народ избавится ее от утилитарного отношения к свободе, равнодушия к национальной святыне – родному языку. Главное, чтобы книги великого белорусского писателя Василя Быкова читали и его далёкие потомки. Пусть так будет...